

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

24 Юля 1893 въ Ревелѣ.

Эстляндскій губернаторъ князь С. В. Шаховской, внучатный племянникъ славнаго комика и братъ отмѣнно даровитаго супруга старшей дочери Каткова, самъ мнѣ рассказывалъ о началѣ своей извѣстности. Будучи вице-консуломъ въ Рагузѣ, сдѣлался онъ агентомъ Славянскаго Благотворительнаго Общества и на присылаемыя Аксаковымъ деньги Московскихъ купцовъ доставлялъ оружiе и порохъ, которыя держалъ у себя подъ поломъ и раздавалъ Герцеговинскимъ повстанцамъ. Паша въ Рагузѣ имѣлъ жену Француженку, которая ему надоѣла. Однажды онъ познакомилъ съ нею нашего вице-консула.

Начались катанья верхомъ, и отвергнутая своимъ господиномъ жена до того сблизилась съ Русскимъ вице-консуломъ, что для него похитила у мужа тайнопись его переписки. Молодой князь такимъ образомъ получилъ возможность заранее узнавать о направленiи и передвиженiяхъ Турецкихъ войскъ, предупреждалъ повстанцевъ и тѣмъ облегчалъ имъ побѣды и одолѣнiе. Вдругъ нашъ посоль Вѣнскiй требуетъ его телеграммой въ Вѣну и оттуда немедленно посылаетъ его въ Петербургъ. До Русской границы провожалъ его Австрiйскiй жандармъ, далѣе Русскiй. Его приводятъ въ Мин. Ин. Дѣлъ, и Гирсъ, тогдашнiй директоръ Азиатскаго Департамента, объявляетъ ему выговоръ за то, что онъ слишкомъ много занимается Славянскимъ Благотв. Обществомъ. Князь ссылается на то, что общество это дозволено, и что вѣроятно самъ Николай Карловичъ членомъ какого-либо благотворительнаго учрежденiя, при чемъ объявляетъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ согласится на стѣсненiе этой его дѣятельности. За тѣмъ идетъ онъ къ князю Горчакову, его не принимаютъ, къ Вестману, къ Гамбургеру—тоже. Горе и смущенiе свое сообщаетъ онъ графинѣ Блудовой; та его утѣшаетъ и велитъ придти къ ней тогда-то, въ часъ дня. Оказывается, это день ея именинъ; у нея накурено, принаряжено. Вскорѣ

приходитъ Государь, и когда князь хочетъ удалиться, графиня вмѣсто того представляетъ его. „Такъ вотъ ты какой молодецъ! Ну скажи, какъ по твоему справятся тамъ съ Турками?—Если прислано будетъ столько-то милліоновъ, да придутъ переодѣтые Русскіе солдаты, тогда можно ручаться.—Ужъ очень ты горячъ!“

Вечеромъ того же дня присылаетъ за нимъ канцлеръ. Но князь велитъ сказать посланцу, что такъ какъ онъ не былъ принятъ и подаетъ въ отставку, то не имѣетъ никакой надобности беспокоить его свѣтлость своимъ посѣщеніемъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно подалъ прошеніе и уѣхалъ въ Москву, гдѣ умиралъ его дядя, симпатичнѣйшій Александръ Павловичъ Ефремовъ. Отецъ отнесся довольно сурово къ быстрому рѣшенію сына, который за тѣмъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Нежданно-негаданно телеграмма отъ канцлера съ запросомъ о здоровьѣ его чиновника. Отецъ пишетъ отвѣтъ о его болѣзни. Отъ канцлера снова телеграмма съ просьбою ежедневно увѣдомлять о ходѣ болѣзни. Потомъ выяснилось, что за частнымъ обѣдомъ у Наслѣдника, гдѣ были Государь и графиня Блудова, Цесаревна стала жаловаться на кн. Горчакова и объясняла болѣзнь молодого князя Шаховскаго его съ нимъ обращеніемъ. По выздоровленіи онъ получилъ отличную должность въ Одессѣ и тутъ, переодѣваясь чумакомъ, успѣлъ перевести въ Румынію много оружія, доставленнаго Аксаковымъ.

*

Памяти Тютчева.

И у домашняго простаго камелька,
И въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты солонной,
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.
Лѣвивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, чтѣ на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтель.
Искусство, знаніе, событія нашихъ дней
Все откликъ въ немъ будило неизбежно,
И словомъ брошеннымъ на акты и людей
Клеймо онъ вѣчное накладывалъ небрежно.
Вы помните его среди его друзей,
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ дившійся, и годы прожитыя.

